

UOT 343.21.7; 343.23.01; 343.24

**ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В ОБЩЕЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА**

Ш.Т.САМЕДОВА

Бакинский Государственный Университет
shahlats@mail.ru

Дифференциация уголовной ответственности на законодательном уровне является одним из важнейших условий вынесения справедливого наказания по уголовному делу и именно поэтому строгая дифференциация уголовной ответственности была признана приоритетным направлением реформы уголовного права. Дифференциация уголовной ответственности проводится как в Общей части, так и в Особенной части УК Азербайджанской Республики. В статье автор обращает внимание на ряд проблемных вопросов, связанных с дифференциацией уголовной ответственности в Общей части уголовного законодательства и выдвигает в связи с этим ряд положений, направленных на совершенствование действующего УК.

Ключевые слова: уголовная ответственность, дифференциация уголовной ответственности, классификация преступлений, средства дифференциации уголовной ответственности, Общая часть Уголовного Кодекса

В современной науке уголовного права дифференциация уголовной ответственности, как правило, признается принципом, целью или тенденцией уголовно-правовой политики государства. Роль и значение Общей части в структуре уголовного закона влечет необходимость более подробного рассмотрения ее дифференцирующих средств и обстоятельств для их согласования в целях оптимальной дифференциации уголовной ответственности. Вместе с тем, средства дифференциации и дифференцирующие обстоятельства Общей части действующего УК 1999г. не получили должного внимания исследователей, хотя в уголовном законе усматривается их несогласованность и даже противоречивость как между собой, так и со средствами Особенной части, с принципами уголовной ответственности.

Следует заметить, что предыдущие уголовные законы также в той или иной степени дифференцировали уголовную ответственность в нормах и положениях Общей части. Исторический анализ дореволюцион-

ного периода показывает, что наряду с такими традиционными средствами дифференциации уголовной ответственности как квалифицирующие и привилегирующие признаки, стали применяться и средства, характерные для Общей части уголовного законодательства – «институт освобождения от наказания в виде правил о давности, деятельном раскаянии, примирении виновного с потерпевшим» [7, 109].

После Октябрьской революции институт освобождения от ответственности и наказания получил дальнейшее развитие. Так, в советский период развития уголовного права дифференциация уголовной ответственности сохранила как прежние тенденции общей дифференциации (в качестве ее средств продолжали выступать возраст виновного, сроки давности привлечения к уголовной ответственности и др.), так и появились новые, специальные виды освобождения, предусмотренные за совершение определенных видов преступления. При этом эти специальные виды освобождения от уголовной ответственности и наказания были закреплены в Декретах СНК или Постановлениях Совета рабочей и крестьянской обороны («О взяточничестве» 1918г., «О дезертирстве» 1918г., «О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ» и др.) [8; 9]. Советская власть ориентировала суды на широкое применение условного осуждения за чисто уголовные преступления, в качестве мер наказания стали применять такие как направление дела на рассмотрение товарищескими судами, вынесение общественного порицания. «Идеи замены уголовной ответственности социальными мерами, тюрем – воспитательными учреждениями, профессиональных судов – товарищескими обосновывались положениями марксизма об отмирании права, о ликвидации при социализме причин преступности. Эти идеи пронизывали законодательство советского периода до 1980-х гг.» [7, 139-140].

Довольно интересно, т.е. без разграничения дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и наказания, в ст.25 УК Азербайджанской ССР 1922г. указывалось, что «для определения меры наказания различается: а) совершено ли преступление в интересах восстановления власти буржуазии или интересах чисто личных совершившего преступление; б) направлено ли преступление против государства или отдельной личности; в) совершено ли преступление в состоянии голода или нужды или нет; г) совершено ли преступление из низменных, корыстных побуждений или без таковых; д) совершено ли преступление с полным сознанием причиняемого вреда или по невежеству и неосознанности; е) совершено ли преступление профессиональным преступником или рецидивистом, или оно совершено в первый раз; ж) совершено ли преступление группой (шайкой, бандой) или одним лицом; з) совершено ли преступление посредством насилия или без такового; и) обнаружено ли совершившим преступление заранее обдуманное намерение, жестокость, хитрость или преступление совершено в состоянии

запальчивости, по неосторожности, легкомыслию или под влиянием угроз и принуждения другого лица; к) совершено ли преступление взрослым, несовершеннолетним от 16 до 18 лет, или несовершеннолетним от 14 до 16 лет» [11, 7].

Как видно из анализа других статей Общей части УК 1922г., в них не содержатся правила дифференциации ответственности за обстоятельства, указанные в перечне ст.25 (кроме пункта «к»), то есть мы можем прийти к выводу, что в ст.25 в основном указывается на обстоятельства, индивидуализирующие наказание. При этом в большинстве из них указание идет попарно: с отягчающим и смягчающим обстоятельством, например, «совершено ли преступление профессиональным преступником или рецидивистом, или оно совершено в первый раз».

В ст.25-а УК 1922 г. указываются еще на два обстоятельства, которые надо различать для определения мер наказания: «а) не состоял ли потерпевший на попечении преступника или в подчинении ему; б) был ли потерпевший особо беспомощен по возрасту или иным условиям» [11, 7-8]. Оба эти обстоятельства можно отнести к отягчающим наказание.

А вот в ст.25-б УК 1922г., бесспорно, указывается на дифференциацию уголовной ответственности: «Всякое преступное деяние, совершенное в отношении рабкоров, селькоров, военкоров и юнкоров, вызванное их общественной деятельностью в печати, является квалифицированным особо отягчая участь виновного» [11, 8] (Орфография текста оригинала УК 1922г. сохранена – Ш.С.).

Кроме ст.25-б, законодательная дифференциация уголовной ответственности закрепляется, на наш взгляд, также в ст.27 УК 1922г., в которой все деяния классифицируются на две категории, в ст.28, в которой по исключительным обстоятельствам допускается назначение наказания ниже низшего предела. В ст.29 дифференцируется ответственность при конкуренции, очевидно, общей и специальной нормы: «Когда в совершенном обвиняемым деянии содержатся признаки преступлений, предусмотренных разными статьями Кодекса, суд определяет наказание по статье, устанавливающей наибольшую наказуемость» [11, 8], т.е. это еще раз подтверждает, что при законодательном определении наказания санкция специальной нормы должна быть дифференцирована от санкции общей нормы в сторону ее ужесточения, что иногда не выдерживается в действующем УК 1999г.

К нормам, дифференцирующим ответственность в Общей части УК 1922 г., следует также отнести ст.21, в которой определяются сроки давности, когда «уголовное преследование не может иметь места» [11, 5]. При этом категоризация преступлений, указанная в ст.27, частично выступала в качестве основания дифференциации ответственности при определении сроков давности. Условия применения сроков давности были следующие: 1) если со времени совершения преступления не было ни-

какого производства или следствия по данному делу, и 2) если лицо, совершившее преступление, прикрываемое давностью, не совершил какого-либо другого однородного или не менее тяжкого преступления. Довольно интересно из содержания ст.21 прийти к выводу, что в УК 1922 г. наименее тяжкими по характеру и степени общественной опасности законодатель считал преступления против правил, охраняющих народное здоровье, общественную безопасность и публичный порядок (глава VIII, ст.215-227 УК 1922г.), срок давности которых исчислялся всего одним годом (п. «г» ст.21 УК 1922г.). Применение же сроков давности за наиболее тяжкие по характеру и степени общественной опасности контрреволюционные преступления законодатель оставлял на усмотрение суда. Исходя из последнего факта, мы можем прийти к выводу, что принцип индивидуализации превалировал над принципом дифференциации уголовной ответственности в первом УК Азербайджанской Республики.

В отличие от действующего законодательства, в УК 1922г. Законодатель не дифференцировал ответственность в случае истечения сроков давности обвинительного приговора. В ч.3 ст.21 УК 1922г. указывалось, что «обвинительный приговор не приводится вовсе в исполнение, если он не был приведен в исполнение в течение 10 лет со дня вынесения приговора», т.е. это условие касалось абсолютно всех деяний.

В Общей части УК 1927г. законодатель в определенной степени также проводил дифференциацию уголовной ответственности. Особо сильных отличий в этом вопросе от позиции УК 1922 г. не было. Ст.14 УК 1927г. определяла сроки давности, при этом также придерживаясь дифференциации ответственности в зависимости от тяжести совершенного преступления [12, 7-8]. Формальным показателем тяжести совершенного деяния также выступала санкция деяния. Законодатель, таким образом, проводил дифференциацию преступлений в следующем порядке: 1) деяния, за которые может быть назначено наказание свыше 5 лет; 2) деяния, за которые может быть назначено наказание не свыше 5 лет; 3) деяния, за которые может быть назначено наказание не свыше 1 года или виды наказаний, не связанные с лишением свободы. Кроме этих трех групп деяний, законодатель также выделял уже в перечневом порядке деяния, общественная опасность которых признавалась наименее опасной, т.к. срок давности их равнялся 1 году. К ним были отнесены, как и в УК 1922г., преступления против правил, охраняющих народное здоровье, общественную безопасность и порядок (глава VIII, ст.223, ст.227-239), но также и некоторые преступления против личности - ст.181 (умышленное легкое телесное повреждение), ч.2 ст.182 (умышленное легкое телесное повреждение, совершенное в состоянии аффекта), ч.1 ст.184 (побои), ст.202 (оскорбление), ст.203 (угроза убийством), ст.204 (оскорбление в публичных изданиях), ст.205 (клевета), ч.1 ст.219 (умышленное истребление или повреждение имущества, принадлежащего частным лицам).

Как и в УК 1922г. применение сроков давности за контрреволюционные преступления законодатель оставлял на усмотрение суда. Таким образом, мы можем сказать, что законодатель дифференцировал уголовную ответственность при регламентации сроков давности совершения преступления и при этом выделял 5 уровней дифференциации.

Вопросы дифференциации уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних в УК 1927г., ввиду того, что он действовал в течении достаточно продолжительного времени (с 15 января 1928г. до 1 января 1961г.), претерпевали существенные изменения. В первоначальной редакции УК 1927г. наказание в виде лишения свободы или принудительных работ понижалось несовершеннолетним в возрасте от 14 до 16 лет и в возрасте от 16 до 18 лет соответственно на половину и на одну треть. Однако впоследствии дифференциация ответственности в зависимости от конкретного возрастного периода несовершеннолетних была отменена, а за ряд деяний (кража, причинение насилия, телесных повреждений, увечий, убийство или попытка к убийству) согласно ст.12 (в ред.1936г.) уголовная ответственность наступала с 12 лет.

Дифференцировалась ответственность также при назначении самого строго вида наказания – расстрела (правда, законодатель пользовался определением «исключительного вида»). Согласно ст.24 УК 1927г. несовершеннолетние и женщины, находящиеся в состоянии беременности, не могли быть приговорены к расстрелу [12, 11], т.е. расстрел не назначался только определенной категории женщин.

С точки зрения законодательной техники в УК 1927г. был усовершенствован перечень законодательно определенных обстоятельств, отягчающих или, наоборот, смягчающих наказание, назначаемое судом. Так, в отдельности в ст.52 был определен перечень, отягчающих наказание, а в ст.53 – смягчающих.

Третий по счету УК советского периода, с точки зрения юридической техники, заметно отличался и был более совершенен. То же самое можно сказать относительно уровня дифференциации уголовной ответственности как в Общей, так и в Особенной частях УК 1960г. Впервые в Общей части уголовного закона институт освобождения от уголовной ответственности был выделен в названии раздела наряду с назначением наказания. Правда, при этом законодатель в названии соответствующего раздела использовал терминологически выражение «освобождение от наказания». Так, раздел IV Общей части УК 1960г. именовался «О назначении наказания и об освобождении от наказания» [13, 25].

Однако анализ уголовно-правовых норм, включенных в раздел IV, показывает, что в названиях статей регламентированы вопросы дифференциации уголовной ответственности, что находит свое выражение и в названиях соответствующих статей. Так, впервые в уголовном законе были выделены различные виды освобождения от уголовной ответ-

ственности и законодатель в названиях статей и в их содержании наряду с выражением «освобождение от наказания» использовал и выражение «освобождение от уголовной ответственности». В разделе IV Общей части УК 1960г. были предусмотрены следующие виды освобождения от уголовной ответственности: освобождение от уголовной ответственности и наказания вследствие изменения обстановки (ст.46); освобождение от уголовной ответственности с передачей виновного на поруки общественной организации или коллективу трудящихся (ст.47); освобождение от уголовной ответственности с направлением дела на рассмотрение товарищеского суда (ст.48); освобождение от уголовной ответственности с направлением материалов или дел в комиссию по делам несовершеннолетних (ст.49). При этом законодатель указанные виды освобождения от уголовной ответственности применял дифференцировано в зависимости от категории преступления (малозначительные, не представляющие большой общественной опасности). Хотя, как мы знаем, на законодательном уровне категории преступлений, кроме тяжких (ст.7-1), в УК 1960г. не были определены [14, 7-8].

Кроме указанных видов освобождения от уголовной ответственности в УК 1960г., дифференциация уголовной ответственности осуществлялась также при условно-досрочном освобождении от наказания и замене наказания более мягким (ст.50, 51), при погашении судимости (ст.53), исчислении сроков давности (ст.44), определении возраста уголовной ответственности (ст.10), при назначении самого строго вида наказания – расстрела (ч.2 ст.22), при назначении лишения свободы, ссылки и высылки (ст.23, 25), при признании лица особо опасным рецидивистом (ст.24), при назначении военнослужащим специальных видов наказаний (ст.31, 33), определении обстоятельств, смягчающих (ст.36) или отягчающих (ст.37) обстоятельств, и др. В то же время ответственность соучастников преступления (ч.7 ст.17), за неоконченное преступление (ч.3 ст.15) определялась в порядке индивидуализации наказания судом.

На довольно таки длительном протяжении своего действия (с 1 января 1961 г. до 1 сентября 2000 г.) УК 1960 г. неоднократно подвергался многочисленным изменениям и дополнения, которые в том числе касались и развития института дифференциации уголовной ответственности и наказания.

В целом, в процессе действия уголовных законов советского периода наметилась тенденция усиления законодательной дифференциации уголовной ответственности и снижения законодательно определенных полномочий суда по индивидуализации наказания. Наиболее яркое воплощение этот процесс получил в УК 1960 г., когда законодатель более детально дифференцировал уголовную ответственность, а судебным органам предписывалось действовать лишь в рамках, четко определенных уголовным законом.

Новеллой в сфере дифференциации уголовной ответственности в действующем УК Азербайджанской Республики 1999 г. является законодательно определенные пределы наказания за неоконченное преступление. Так, срок или размер наказания за приготовление к преступлению не может превышать половины максимального предела наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса за оконченное преступление (ст.63.2 УК). Срок или размер наказания за покушение на преступление не может превышать трех четвертей максимального предела наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса за оконченное преступление (ст.63.3 УК). Пожизненное лишение свободы за приготовление к преступлению или покушение на преступление не назначаются (ст.63.4 УК). Все приведенные положения ст.63 (назначение наказания за неоконченное преступление) фактически направлены на сужение правоприменительной деятельности судьи в рамках конкретной санкции Особенной части УК, т.е. в данном случае законодатель расширил применение принципа дифференциации уголовной ответственности за неоконченное преступление, соответственно сузив принцип индивидуализации наказания.

Другой новеллой Общей части является установление минимальных пределов назначения наказания при рецидиве преступлений (ст.65 УК). Так, срок наказания при рецидиве преступлений не может быть ниже половины максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, при опасном рецидиве преступлений – не менее двух третей, а при особо опасном рецидиве преступлений – не менее трех четвертей максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление в соответствующей статье Особенной части УК (ст.65.2 УК). Однако в ст.65.3 законодатель предусматривает отступление от положений ст.65.2 УК. Так, если статья Особенной части содержит указание на судимость лица, совершившего преступление, как на квалифицирующий признак, а также при наличии исключительных обстоятельств, предусмотренных ст.62 УК, наказание при рецидиве, опасном рецидиве или особо опасном рецидиве преступлений назначается без учета правил, предусмотренных ст.65.2 УК. Как видим, в ст.65.3 проводится последующая дифференциация уголовной ответственности при назначении наказания за рецидив преступлений. И если в первом случае законодатель отступает от положений ст.65.2 из-за учета рецидива совершенного деяния уже в конкретной санкции Особенной части, то во втором случае отступление от ст.65.2 производится в качестве поощрительной меры учета исключительных обстоятельств, указанных в ст.62 (назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление) УК. Следует заметить, что хотя «исключительные обстоятельства» и перечислены в

ст.62 УК, в целом они носят оценочный характер и их применение, в конечном счете, зависит от правоприменителя.

Еще одной новеллой в сфере дифференциации уголовной ответственности является ст.59 УК, регламентирующая назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств. Так, при наличии смягчающих наказание обстоятельств, предусмотренных ст.59.1.9. и 59.1.10. УК, и отсутствии отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст.61 УК, срок или размер наказания не могут превышать трех четвертей наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК. Здесь также можно констатировать расширение дифференциации уголовной ответственности за счет сужения индивидуализации наказания.

Гендерное равноправие, как главная цель феминистского движения, приобретает в уголовном праве, в частности, в вопросах уголовной ответственности и наказания, определенное своеобразие. Так, В.А.Андриенко выделяет несколько групп уголовной ответственности по половому признаку: 1) объявляющие преступлением общественно опасную деятельность лиц только одного пола; 2) определяющие жертву преступного деяния в терминологии только одного пола; определяющие жертву криминальной деятельности в терминологии обоих полов, но учитывающие особое положение женщины при формулировании признаков объективной стороны состава преступления; устанавливающие различные санкции за совершение одного и того же преступления в отношении представителей различных полов. Уголовно-правовые предписания относительно реализации уголовной ответственности классифицируются на следующие группы: учитывающие только половую принадлежность виновного; учитывающие половую принадлежность и возраст виновного; учитывающие половую принадлежность и родительский статус личности [5, 10].

Следует отметить, что законодатель Азербайджанской Республики в отличие от РФ [15] более последовательно следует международно-правовым требованиям в области равноправия мужчины и женщин, например, при регламентации назначения исправительных работ (ст.49), отсрочки отбывания наказания (ст.79), при возложении ответственности за нарушение трудовых прав (ст.164) и некоторые др. Но отдельные положения УК Азербайджанской Республики все же находятся в противоречии с гендерным равноправием, в связи с чем совершенствование УК предполагает «выравнивание» статуса мужчины и женщины в уголовно-правовых отношениях за счет, например, изменения диспозиции ст.149 (изнасилование) УК; регламентировании пожизненного лишения свободы в ст.57; распространение действий ст.47 (общественные работы) в части, касающейся женщин, имеющих детей, и на мужчин. Однако, даже в указанных статьях УК (например, в ст.79, 164), в которых законодатель учел гендерное равноправие, это неполное выравнивание

уголовно-правового положения женщин и мужчин. Законодатель указывает на «женщин, имеющих детей до ... возраста» и «мужчин, самостоятельно воспитывающим ребенка до ... возраста». На наш взгляд, более приемлемым уравнивающим термином может стать «лицо, выполняющее родительские обязанности в отношении детей в возрасте до ... лет».

Вышеприведенные предложения о выравнивании статуса женщин и мужчин при дифференциации уголовной ответственности и наказания кроме необходимости соответствия международно-правовым стандартам обусловлено также особенностями женской преступности в современных условиях. Так, несмотря на то, что удельный вес женщин среди всего населения государства чуть выше, доля женской преступности многократно ниже мужской. Женщинами совершается в среднем 10 - 15% процентов преступлений от всех зарегистрированных преступлений. Но в последние годы в структуре женской преступности наблюдается возрастание удельного веса насильственной преступности женщин, увеличение доли женщин среди лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления (убийств, похищений человека, разбойных нападений) [1].

В целях защиты интересов детей и семьи, на наш взгляд, следовало бы также пересмотреть положения ст.79.3 и поднять срок отсрочки отбывания наказания родителям, имеющим детей, по достижению ребенком не 8-летнего, а 14-летнего возраста, как это предусмотрено в УК ряда стран (например, ст.82 УК РФ [15, 35-36]). Это изменение было бы направлено на дальнейшую гуманизацию уголовного права в отношении лиц, совершивших преступления, не представляющие большой общественной опасности и менее тяжкие преступления, и защиту интересов, прежде всего, несовершеннолетних.

Здесь хотелось бы сделать небольшое отступление, обратившись к нормам мусульманского права. Как известно, наибольшей критике в исламе подвергается «принцип неравенства мужчин и женщин» в мусульманском уголовном праве и процессе (дискриминация в свидетельских показаниях, неравный размер выкупа при убийстве женщины и т.п.). Прогрессивные ученые-исламисты, в частности, Абдуллахи Ахмед Ан-Наим считают, что отмеченное в Коране (аят 4:34) превосходство мужчин над женщинами признается правомерным при определенных условиях, т.е. как ясно сказано в Коране, «если мужчины обеспечивают безопасность женщин и если женщины экономически зависимы от мужчин». В современном мусульманском обществе, где безопасность как мужчин, так и женщин, гарантируется законом, и где женщины имеют возможности быть экономически независимыми (права на получение образования, на труд, на неприкосновенность собственности и т.п.) исчезают основания для признания преимуществ мужчин над женщинами. Таким образом, на основе анализа контекста стихов Корана ученые находят аргументы в пользу признания полного равенства мужчин и женщин, и как следствие

находят правовую основу для реформирования некоторых институтов мусульманского уголовного права [4, 100].

Итак, по сравнению с предыдущим УК 1960г. в Общей части действующего УК Азербайджанской Республики 1999 г. уровень дифференциации уголовной ответственности значительно выше. При этом это ДОС-тигается в большинстве случаев (ст.60, 63, 65 УК) за счет установления максимального или минимального ограничения при применении судом конкретной санкции Особенной части. Однако это не должно трактоваться как значительное ущемление принципа индивидуализации наказания, т.к. анализ санкций в Особенной части УК позволяет нам утверждать, что амплитуда границ наказания в них достаточно широка.

Вместе с тем при применении ряда норм Общей части УК принцип дифференциации уголовной ответственности, на наш взгляд, вовсе не принимается в расчет. В качестве примера следует, прежде всего, указать на ст.62 (назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление) и ст.70 (условное осуждение). Относительно действующей редакции ст.62 достаточно сказать, что ее положения, основанные на широком судебском усмотрении, сводят на нет сам принцип дифференциации уголовной ответственности. Поэтому следовало бы ограничить применение положений ст.62 к лицам, допустившим опасный или особо опасный рецидив преступлений. По нашему мнению, также следовало бы на законодательном уровне ограничить применение условного осуждения к лицам, виновным в совершении особо тяжких преступлений и тяжких преступлений насильственного характера, а также к лицам, ранее осуждавшимся за умышленные преступления к наказанию в виде лишения свободы.

Мнение большинства в литературе о непризнании в качестве средств дифференциации уголовной ответственности обстоятельств, исключающих преступность деяния (необходимая оборона; причинение вреда при задержании лица, совершившего преступления; крайняя необходимость; обоснованный риск; исполнение приказа или распоряжения) поддерживается и нами. Как следует из логики, нельзя говорить о дифференциации уголовной ответственности в случаях исключения самой ответственности при указанных выше обстоятельствах.

Можно ли отнести к средствам дифференциации уголовной ответственности принудительные меры медицинского характера и принудительные меры воспитательного характера, соответственно регламентированные в разделе VI и в ст.87 и 88 раздела V УК?

Безусловно соглашаясь с Т.А.Лесниевски-Косталевой, что принудительные меры медицинского характера не могут выступать в качестве средства дифференциации уголовной ответственности, т.к. с точки зрения теории уголовного права медицинские меры не представляют собой уголовной ответственности. Меры медицинского характера выступают в

качестве альтернативы в случаях, когда лица, совершившие преступления, не подлежат уголовной ответственности (наличие невменяемости в момент совершения преступления) или отбытию наказания (наступление психического расстройства после совершения преступления) из-за своей невменяемости. Однако меры медицинского характера могут быть назначены также лицам, страдающим психическим расстройством, не исключаяющим вменяемости, или же лицам, страдающим алкоголизмом или наркоманией. В этих случаях указанным категориям лиц принудительные меры медицинского характера назначаются в качестве дополнительной меры в целях излечения этих людей, а не дополнительного наказания. Так же, на наш взгляд, неправильно утверждение, что принудительные меры медицинского характера можно отнести к дифференциации уголовно-правовых последствий совершения преступления [7, 77].

То же самое можно сказать и о принудительных мерах воспитательного характера, применяемых к несовершеннолетним. Эти меры применяются вне рамок уголовной ответственности и не являются наказанием.

И в заключение статьи отметим, что несмотря на возросший уровень дифференциации уголовной ответственности в Общей части УК 1999г., в целом Общая часть действующего уголовного законодательства должна быть серьезно реформирована. Основанием этой реформы должен стать усовершенствованный институт классификации преступлений (ст.15). Целью же этой реформы должна стать политика смягчения уголовной ответственности за совершение преступлений не представляющих большой общественной опасности и менее тяжкие преступления, и наоборот, ужесточение – в отношении тяжких и особо тяжких преступлений. Еще одним направлением реформы Общей части должна стать более последовательная дифференциация уголовной ответственности за умышленные и неосторожные преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Azərbaycan Respublikası Daxili İşlər Nazirliyinin rəsmi saytı //www.mia.gov.az
2. Azərbaycan Respublikasının Cinayət Məcəlləsinin Kommentariyası / F.Y.Səməndərovun ümumi redaktəsi ilə. Bakı: Dığesta, 2011, 1056 s.
3. Səməndərov F.Y. Cinayət hüququ. Ümumi hissə. Dərslik. Bakı: Dığesta, 2013, 720 s.
4. Абдуллахи Ахмед Ан-Наим. На пути к исламской реформации: гражданские свободы, права человека и международное право. М.: Полиформ-Талбури, 1999, 274 с.
5. Андриенко В.А. Равенство граждан по признаку пола в уголовном праве и его соблюдение при реализации уголовной ответственности и наказания женщин. Пятигорск: 2007, 170 с.
6. Курс уголовного права. В 5-ти томах. Общая часть / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой, И.М.Тяжковой, т. 1. М.: Зерцало, 1999, 592 с.
7. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М.: НОРМА, 2000, 390 с.
8. Мамедов И.П. Создание и развитие уголовного права в Азербайджанской ССР (1920-1937 гг.), в 2-х томах. Дис. ... докт. юрид. наук. Тбилиси, 1967 (на правах ру-

- кописи, архив библиотеки БГУ).
9. Мовсумов Д.Г. Советская судебная система в Азербайджане. Баку: Азернешр, 1970, 194 с.
  10. Уголовный Кодекс Азербайджанской Республики 1999г. (с изменениями и дополнениями на 1 сентября 2011г.). Баку: Юридическая литература, 2011, 304 с.
  11. Уголовный Кодекс Азербайджанской ССР 1922 г., издание официальное, Баку: Наркомюст, 1927, 132 с.
  12. Уголовный Кодекс Азербайджанской ССР 1927 г. Баку: Азернешр, 1938, 139 с.
  13. Уголовный Кодекс Азербайджанской ССР 1960 г. Баку: Верховный Совет Азерб. ССР, 1961, 151 с.
  14. Уголовный Кодекс Азербайджанской ССР 1960 г. Баку: Ганун, 1995, 214 с.
  15. Уголовный Кодекс Российской Федерации. М.: Проспект, 2012, 208 с.

CINAYƏT HÜQUQUNUN ÜMUMİ HİSSƏSİNDƏ CİNAYƏT MƏSULİYYƏTİNİN DİFERENSİASİYASI

Ş.T.SƏMƏDOVA

XÜLASƏ

Cinayət işləri üzrə ədalətli cəzaların təyin edilməsinin əsas şərtlərindən biri qanunverici tərəfindən cinayət məsuliyyətinin diferensiasiyasının müəyyənəndirilməsidir. Məhz buna görə də, cinayət hüququnun islahatının prioritet istiqamətini cinayət məsuliyyətinin diferensiasiyası təşkil edir. Məqalədə müəllif cinayət qanunvericiliyində cinayət məsuliyyətinin diferensiasiyası ilə əlaqədar yaranmış bəzi problemlə məsələlərə diqqət yetirir və bu sahədə qüvvədə olan CM-nin təkmilləşdirilməsinə dair bir sıra təkliflər irəli sürür.

Açar sözlər: cinayət məsuliyyəti, cinayət məsuliyyətinin diferensiasiyası, cinayətlərin təsnifatı, cinayət məsuliyyətinin diferensiasiya vasitələri, Cinayət Məcəlləsinin Ümumi hissəsi.

DIFFERENTIATION OF CRIMINAL LIABILITY IN THE GENERAL PART OF CRIMINAL LAW

Sh.T.SAMADOVA

SUMMARY

Differentiation of criminal liability at the legislative level is one of the most significant conditions for fair punishment in accordance with the character of the criminal case and because of that strict differentiation of criminal liability has been recognized as a priority area in the reforms of criminal legislation. Differentiation issue is held in both in the General Part and in the Special Part of the Criminal Code of the Azerbaijan Republic. The author pays attention to a number of problematic issues related to the differentiation of criminal liability in the General Part of criminal law and puts forward a range of positions for improvement of the existing Criminal Code in connection with it.

Key words: criminal liability, differentiation of criminal liability, classification of crimes, means of differentiation of criminal responsibility, General Part of the Criminal Code